

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО / ENTREPRENEURSHIP LAW

Редактор рубрики А. С. Панова / Rubric editor A. S. Panova

УДК 347.19:347.7:334.7

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.529-539>

Научная статья

Е. Б. АБАКУМОВА^{1,2}

¹ Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Россия

² Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Абакумова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права СО РАН; доцент кафедры гражданского права, Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, тел.: +7 (383) 330-09-75
E-mail: civilization1981@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2340-3032>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-9952-2018>

Цель: комплексный анализ гражданско-правовых аспектов законодательного регулирования проблемы конфликта интересов в корпоративных правоотношениях с участием единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, а также определение перспективных направлений совершенствования законодательства в данной сфере.

Методы: методологическую основу исследования составили методы и приемы формальной логики, анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; также использовались частнонаучные методы правового исследования: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные.

Результаты: в работе определены этапы развития конфликта интересов в корпоративных отношениях: а) интересы субъектов корпоративного правоотношения могут вступать в противоречие между собой, но отсутствует возможность для проявления данного противоречия; б) наличие возможности у уполномоченного лица на совершение какого-либо действия, противоречащего интересам корпорации; в) процесс осуществления уполномоченным лицом действия, которое создает возможность для нарушения интересов общества; г) уполномоченное лицо нарушает интересы представляемого юридического лица, преследуя собственные интересы. Для каждого этапа развития конфликта интересов характерны свои методы правового воздействия. Кроме того, автор приходит к выводу о необходимости разделения функций управления и контроля в хозяйственных обществах путем создания наблюдательного совета как контрольного органа и установления запрета совмещения должностей в наблюдательном совете и в контролируемом им исполнительном органе хозяйственного общества. Поэтому целесообразно нормативное закрепление положения об обязательном включении в совет директоров публичных акционерных обществ независимых директоров. Объем сведений о полномочиях единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, предоставляемый

в настоящее время в ЕГРЮЛ, недостаточен для обеспечения необходимого уровня прозрачности бизнеса. В связи с этим в статье предложен один из возможных вариантов совершенствования форм № 11001, 13014, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц. В то же время в работе обоснована некорректность правовой дефиниции «сделка с заинтересованностью» и предложена его замена на понятие «сделка с конфликтом интересов».

Научная новизна: автором осуществлено комплексное теоретическое осмысление проблем статуса единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, позволившее сформулировать предложения по совершенствованию конкретных правовых положений и механизмов, а также определить ключевые научно-прикладные направления для дальнейшего развития законодательства о хозяйственных обществах.

Практическая значимость: представленные в работе рекомендации направлены на решение конкретных проблем, касающихся нормативно-правового регулирования конфликта интересов в корпоративных отношениях с участием единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, и могут быть использованы в научной и нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: предпринимательское право; конфликт интересов; корпоративный конфликт; хозяйственное общество; корпоративное управление; корпоративный контроль; кодекс корпоративного поведения; наблюдательный совет; совет директоров; принцип «двух ключей»; сделки с заинтересованностью

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Абакумова Е. Б. Проблема конфликта интересов в корпоративных правоотношениях с участием единоличного исполнительного органа хозяйственного общества // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15, № 3. С. 529–539. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.529-539>

The scientific article

Е. В. АБАКУМОВА

¹ Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk Military Institute named after General I. K. Yakovlev of the Russian National Guard troops, Novosibirsk, Russia

CONFLICT OF INTEREST IN CORPORATE LEGAL RELATIONS INVOLVING A SINGLE-MEMBER EXECUTIVE BODY OF A BUSINESS ENTITY

Ekaterina B. Abakumova, PhD (Law), Senior Researcher of the Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Civil Law, Novosibirsk Military Institute named after General I. K. Yakovlev of the Russian National Guard troops
Address: 8 Nikolaev Str., 630090 Novosibirsk, tel.: +7 (383) 330-09-75
E-mail: civilization1981@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2340-3032>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-9952-2018>

Objective: to comprehensively analyze the civil-legal aspects of the legislative regulation of conflict of interests in corporate legal relations with the participation of a sole executive body of an economic entity, and to identify the promising areas for improving legislation in this area.

Methods: the methodological basis of the research was the methods and techniques of formal logic, analysis, synthesis, induction, deduction, comparison; private scientific methods of legal research were also used: historical-legal, formal-legal, comparative-legal and others.

Results: the paper identifies the stages of a conflict of interest development in corporate relations: a) the interests of corporate legal relations subjects may conflict with each other, but there is no possibility for the manifestation of this contradiction; b) the authorized person has the opportunity to perform any action that contradicts the interests of the corporation; c) the process of the authorized person performing an action that creates an opportunity for violating the interests of the company; d) the authorized person violates the interests of the represented legal entity, pursuing their own interests. Each stage of a conflict of interests development is characterized by its own methods of legal influence. In addition, the author comes to the conclusion that it is necessary to separate the management and control functions in business companies by creating a supervisory board as a control body and prohibiting the combination of positions in the supervisory board and in the executive body of the business company controlled by it. Therefore, it is advisable to legally stipulate the regulation on the mandatory inclusion of independent directors in the board of directors of public joint-stock companies. The amount of information on the powers of the sole executive body of an economic entity, currently provided in the Unified State Register of Legal Entities, is insufficient to ensure the necessary level of business transparency. In this regard, the article suggests one of the possible options for improving forms No. 11001 and 13014, submitted to the registration authority during the state registration of legal entities. At the same time, the paper substantiates the incorrectness of the legal definition of “interested party transaction” and suggests its replacement with the concept of “transaction with a conflict of interests”.

Scientific novelty: the author has carried out a comprehensive theoretical reviewing of the status of the sole executive body of an economic entity, which made it possible to formulate proposals for improving specific legal provisions and mechanisms, as well as to identify the key scientific and applied directions for the further development of legislation on economic entities.

Practical significance: the recommendations presented in the paper are aimed at solving the specific problems related to the legal regulation of conflicts of interest in corporate relations with the participation of a sole executive body of an economic entity, and can be used in scientific and rule-making activities.

Keywords: Entrepreneurship law; Conflict of interest; Corporate conflict; Economic entity; Corporate governance; Corporate control; Code of corporate conduct; Supervisory board; Board of directors; Principle of “two keys”; Interested party transactions

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Abakumova E. B. Conflict of interest in corporate legal relations involving a single-member executive body of a business entity, *Russian Journal of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 3, pp. 529–539 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.529-539>

Введение

Проблема конфликта интересов в корпоративном праве впервые остро встала в США после корпоративных скандалов начала 2000-х гг. (*Enron*, *WorldCom* и др.). Стало понятно, что существование конфликта интересов рано или поздно ведет к причинению убытков и ущемлению защищаемых интересов [1. С. 189]. Так появился на свет известный закон Сарбейнса – Оксли (*Sarbanes – Oxley Act of 2002*), целью которого стало предотвращение злоупотреблений со стороны недобросовестных менеджеров корпораций. Надо сказать, что даже спустя почти двадцать лет действия указанного акта среди зарубежных специалистов не утихают споры о том, перевешивают ли преимущества установленных законом строгих правил внутреннего контроля издержки на их реализацию [2].

В российских реалиях наиболее ярко конфликт интересов проявляется в хозяйственных обществах, в которых управление реализуется не только учредителями и участниками, но и нанятыми специалистами. Через лиц, осуществляющих управление, юридическое лицо вступает в правоотношения и совершает юридически значимые действия, которые должны вести к достижению цели создания корпорации. Поэтому принцип преданного отношения управленцев к корпорации (*fiduciary duties*) является необходимым условием нормального функционирования бизнеса [3. С. 44].

Касаемо определения интересов корпорации в литературе принято исходить из двух основных посылок: 1) юридическое лицо является отдельной сущностью и чем-то большим, нежели сумма его частей, поэтому

интересы корпорации шире совокупности частных интересов ее участников; 2) цель создания корпорации заключается в увеличении прибыли от предпринимательской деятельности [4. С. 83].

В основу деятельности единоличного исполнительного органа хозяйственного общества заложен принцип, в соответствии с которым он должен действовать в интересах общества, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении общества добросовестно и разумно (ч. 3 ст. 53 ГК РФ)¹. Следует сказать, что в корпоративных правоотношениях категория добросовестности применяется не в общегражданском смысле, а имеет более узкое значение, которое состоит в добросовестном исполнении обязанности управленца быть лояльным корпорации и не допускать конфликта интересов, т. е. не подменять интерес корпорации личным интересом [5. С. 32–34]. Что касается разумности, то данная правовая категория предполагает оценку действий директора в сравнении с принятыми в соответствующих отношениях образцами поведения по таким параметрам, как предусмотрительность, целесообразность, адекватность и т. п. Правовое значение рассматриваемых принципов было изложено в пп. 2 и 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»².

Происходящие в последнее время изменения в гражданском законодательстве России сопровождаются активной дискуссией в доктрине, поддерживая устойчивый интерес к проблематике корпоративного управления в целом и проблеме конфликта интересов в корпоративных правоотношениях в частности. При этом органы управления корпорацией рассматриваются как особое правовое явление, требующее глубокого научного осмысления и анализа с целью закрепления прикладных правовых норм, благоприятно влияющих на развитие бизнеса в России. Единоличный исполнительный орган хозяйственного общества занимает

одно из центральных мест в системе корпоративного управления, что обуславливает особое к нему внимание как со стороны законодателя, так и со стороны юридического и научного сообщества. В современной науке гражданского права далеко не все вопросы, касающиеся функционирования данного органа, решены однозначно. Исследователями предлагаются различные теоретические подходы к объяснению его правовой природы как органа юридического лица, установлению принципов и требований к его деятельности, определению механизмов контроля за его решениями. В настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа гражданско-правовых аспектов законодательного регулирования проблемы конфликта интересов в корпоративных правоотношениях с участием единоличного исполнительного органа хозяйственного общества с целью определения перспективных направлений совершенствования законодательства в данной сфере.

Результаты исследования

Понятие конфликта интересов в российском гражданском праве является широко используемой правовой категорией, под которой понимается ситуация, когда одно лицо имеет одновременно два противоречащих интереса, одним из которых является защищаемый интерес, при этом преследование другого интереса может нанести ущерб защищаемому интересу³.

Согласно Кодексу корпоративного управления (2014), конфликтом интересов в корпоративных отношениях является «любое противоречие между интересами общества и личными интересами члена совета директоров или коллегиального исполнительного органа общества либо единоличного исполнительного органа общества, под которыми понимаются любые прямые или косвенные личные интересы, или интересы в пользу третьего лица, в том числе в силу его деловых, дружеских, семейных и иных связей и отношений, занятия им или связанными с ним лицами должностей в ином юридическом лице, владения им или связанными с ним лицами акциями в ином юридическом лице, противоречия между его обязан-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 30.07.2013 № 62 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

ностями по отношению к обществу и обязанностями по отношению к другому лицу»⁴.

Соглашаясь с Д.И. Дедовым в том, что проблема конфликта интересов является общеправовой и носит межотраслевой характер [6. С. 2], обратимся к ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в которой на сегодняшний день содержится единственное легальное определение конфликта интересов: «Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)»⁵.

В литературе указывается, что термин «конфликт интересов» не тождественен понятию «корпоративный конфликт». Конфликт интересов предполагает ситуацию, имеющую лишь высокую вероятность образования корпоративного конфликта, поскольку в этой ситуации осуществляется выбор между корпоративным интересом и личным [7. С. 19].

В законодательстве нашей страны термин «корпоративный конфликт» не используется. Вместо него в ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ закреплено понятие «корпоративный спор», под которым понимается спор, связанный с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей⁶.

Развитие конфликта интересов в корпорации можно представить поэтапно. На первом этапе на-

личествуют интересы субъектов корпоративного правоотношения, которые могут вступать в противоречие между собой, но отсутствует возможность для проявления данного противоречия. На втором этапе предполагается существование возможности у уполномоченного лица на совершение какого-либо действия, противоречащего интересам корпорации. Третий этап подразумевает процесс осуществления уполномоченным лицом действия, которое создает возможность для нарушения интересов общества. На четвертом этапе уполномоченное лицо нарушает интересы представляемого юридического лица, преследуя собственные интересы, в результате наступают негативные последствия для хозяйственного общества и возникает корпоративный конфликт. Для каждого этапа развития конфликта интересов характерны свои методы правового воздействия.

Контролирующие функции за соблюдением единоличным исполнительным органом интересов общества в корпоративных правоотношениях реализуются:

- отдельными акционерами (участниками) общества (ч. 1 ст. 65.2 ГК РФ);
- наблюдательным советом или советом директоров (ч. 4 ст. 65.3 ГК РФ);
- ревизионной комиссией (ревизором) (ст. 85 Закона «Об АО», ст. 47 Закона «Об ООО»);
- аудитором (ст. 67.1 ГК РФ).

Классическим механизмом контроля в корпорациях признается возможность формировать наблюдательный совет [8. С. 21]. В юридической литературе наблюдательный совет хозяйственных обществ часто характеризуют как некое «промежуточное звено» между общим собранием участников и исполнительными органами управления [9. С. 128]. Его роль заключается в повышении эффективности управления корпорацией за счет поиска баланса между интересами участников (учредителей) хозяйственного общества и его менеджерами, в предотвращении отклонений от принятой стратегии развития бизнеса.

В ч. 4 ст. 65.3 ГК РФ указанный орган называется «наблюдательный или иной совет». Специальное законодательство о хозяйственных обществах именуется данный орган «совет директоров (наблюдательный совет)». Причем если в ГК РФ речь идет о наблюдательном совете как о контролирующем органе, который не является ни волеобразующим, ни тем более волеизъявляющим, то в специальных законах данный

⁴ О Кодексе корпоративного управления: Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 // Вестник Банка России. 2014. № 40.

⁵ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

орган позиционируется как руководящий (ч. 1 ст. 64 Закона «Об АО», ч. 2.1 ст. 32 Закона «Об ООО»). Как отмечают Р. А. Курбанов и М. В. Шереметьева, это отражает реалии российского бизнеса, когда обычно в совет директоров входят крупные акционеры, которые не видят надобности контролировать самих себя [10. С. 116]. Здесь нельзя не согласиться со словами С. А. Ступиной и А. С. Шерстяных, что «существующее смешение полномочий контролирующего и исполнительного органа, а также возможность совмещения полномочий члена наблюдательного совета и члена коллегиального исполнительного органа, безусловно, не могут положительно сказываться на обеспечении контроля рядовых акционеров за деятельностью управляющих, поскольку, по существу, из представителя акционеров, которые должны контролировать правление, наблюдательный совет превращается в то же самое правление, что осложняет их всестороннюю юридическую ответственность» [11. С. 144].

Отметим, что в Концепции развития гражданского законодательства РФ (2009 г.) говорилось о необходимости придания наблюдательному совету статуса контролирующего органа и установления запрета совмещения должностей в наблюдательном совете и в контролируемом им исполнительном органе хозяйственного общества. Но данная задумка, к сожалению, не нашла своего воплощения в Гражданском кодексе РФ. В ГК РФ установлено право членов наблюдательного совета на получение информации о деятельности общества и ознакомления с ее бухгалтерской и иной документацией, а также право оспаривать некоторые совершенные корпорацией сделки и требовать применения последствий их недействительности, требовать возмещения причиненных корпорации убытков в общем для всех участников общества порядке (ч. 2 ст. 65.2, ч. 4 ст. 65.3 ГК РФ). То есть в этом отношении компетенция наблюдательного совета принципиально не отличается от компетенции ревизионной комиссии корпорации.

Таким образом, контролирующая функция наблюдательного совета недостаточно проработана в российском законодательстве и потенциал данного органа не раскрыт в полной мере. Поэтому представляется важным заявить, что идеи, заложенные в Концепции развития гражданского законодательства РФ о четкой структуре органов управления корпорации

с разделением функций управления и контроля, требуют дальнейшего научно-теоретического развития и практической реализации в праве. Иначе наблюдательный совет может стать декоративным органом, который зачем-то существует где-то между акционерами и правлением, добавляя лишь дополнительные расходы хозяйственному обществу.

Номинальный характер наблюдательного совета в российских корпорациях сформировался в процессе сращивания собственности и управления в отечественном бизнесе, когда в совет директоров включались представители мажоритариев или власти, что совершенно не отвечало требованиям международной передовой практики корпоративного управления [12. С. 421]. Вместе с тем в последние годы среди собственников корпораций наблюдается все большее понимание того, как влияет качество корпоративного управления на конечную стоимость компании и ее инвестиционную привлекательность [13]. Одним из принципиальных факторов высокого уровня корпоративного управления, который плодотворно сказывается на результатах деятельности и предотвращает злоупотребления, выступает наличие эффективного наблюдательного совета. Все чаще российские корпорации формируют совет директоров в соответствии с рекомендациями Кодекса корпоративного управления, в том числе путем привлечения независимых директоров в управление. При этом, как сообщается в литературе, получает распространение практика, когда для совершения некоторых видов корпоративных действий голоса независимых директоров подсчитываются отдельно и решение принимается только в случае получения одобрения от большинства независимых директоров [14].

Также следует сказать, что в России происходит расширение практики организации консультационно-совещательных органов (комитетов) при совете директоров. Настоящий инструмент используется в практике как корпоративного контроля, так и корпоративного управления. Существенные отличия могут быть в компаниях относительно количества и направленности комитетов. Больше всего получили распространение комитеты по стратегии, кадрам, вознаграждениям и аудиту [15. С. 84].

Новым для российского права механизмом корпоративного контроля является образование нескольких единоличных исполнительных органов. Принцип

«двух ключей» (*two-man rule*), или, как его еще называют, «четырёх глаз» (*four eyes principle*), призван минимизировать возможность заключения сделок с конфликтом интересов. Модель совместно действующих директоров используется во многих западных странах [16]. Она позволяет создать дополнительную защиту интересам корпорации от злоупотреблений со стороны высшего менеджмента, поскольку один из директоров может заблокировать сделку, если почитает ее невыгодной.

Вместе с тем множественность директоров в корпорации является дополнительным источником конфликта интересов, например, в ситуации, когда оба единоличных органа обладают равными полномочиями. Кроме того, деятельность корпорации может быть затруднена в ситуациях, когда принятие решения по отдельным вопросам не отнесено к компетенции ни одного из директоров [17]. Поэтому реализация такой модели управления требует тщательной регламентации полномочий единоличных исполнительных органов в уставе общества, чтобы эффективность контроля не обеспечивалась за счет снижения эффективности оперативного управления компанией.

В этой связи возникает вопрос о правомерности сделки, совершенной одним директором при наличии в уставе общества положения о выполнении полномочий единоличного исполнительного органа несколькими лицами. По мнению М. А. Андриановой, Н. А. Потапова, для положительного решения этого вопроса требуется, чтобы все единоличные исполнительные органы, образованные в обществе, были вправе осуществлять полномочия самостоятельно по всем вопросам компетенции исполнительных органов. Если же полномочие принадлежит нескольким лицам совместно, правовые последствия такой сделки могут возникнуть в результате прямого одобрения ее обществом впоследствии на основании применения ст. 183 ГК РФ [18. С. 53].

Поскольку наличие нескольких директоров может стать проблемой для контрагентов, которые не будут понимать, кто в обществе принимает основные решения, Пленум Верховного Суда РФ сформулировал следующую позицию в отношении защиты третьих лиц: если в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) содержатся данные о нескольких директорах, третьи лица вправе исходить из неограниченности полномочий каждого из них, а при

наличии в указанном реестре данных о совместном осуществлении директорами своих полномочий – из неограниченности полномочий директоров, действующих совместно. Более того, все неясности и противоречия в положениях учредительных документов юридического лица об ограничениях полномочий единоличного исполнительного органа должны толковаться в пользу отсутствия таких ограничений⁷.

В 2019 г. в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» были внесены изменения, в соответствии с которыми информация о соотношении полномочий нескольких директоров также подлежит внесению в реестр. В соответствии с текстом новой редакции п. «л» ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в случае «если полномочия без доверенности действовать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам, в отношении каждого такого лица дополнительно указываются сведения о том, действуют такие лица совместно или независимо друг от друга»⁸. Это означает, что третьи лица теперь не смогут недобросовестно ссылаться на применение положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25.

Однако механизм внесения сведений в ЕГРЮЛ о двух и более директорах пока остается недоработанным. В настоящее время в реестре невозможно отразить конкретные полномочия каждого директора. Специалисты в сфере корпоративного права говорят о необходимости разработки новых форм заявлений для подачи более развернутых сведений по полномочиям директоров в ЕГРЮЛ [19. С. 86]. Целесообразность отражения более конкретной и точной информации относительно распределения полномочий директоров хозяйственного общества не вызывает сомнений, но не вполне очевидно, каким образом можно осуществить такую сложную регла-

⁷ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

⁸ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3431.

ментацию. Учитывая консервативность российского законодателя и осторожность правоприменителя, полагаем, что в ближайшее время большим шагом вперед было бы добавление хотя бы еще одного поля в формах № 11001, 13014⁹ для внесения сведений о лицах, осуществляющих полномочия единоличного исполнительного органа, которое можно реализовать следующим образом: (1) лица действуют совместно; (2) лица действуют независимо друг от друга; (3) лица действуют по некоторым вопросам только совместно, по остальным – независимо.

Одно из центральных мест в правовом регулировании корпоративных отношений с конфликтом интересов занимает механизм регулирования так называемых сделок с заинтересованностью. Законодательно установленный специальный режим для таких сделок призван минимизировать риски нарушения интересов общества, устанавливая презумпцию недобросовестности уполномоченного лица, действующего в условиях конфликта интересов.

Согласно ст. 81 Закона «Об акционерных обществах», «сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, признается сделка, в совершении которой имеется заинтересованность члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа, члена коллегиального исполнительного органа общества или лица, являющегося контролирующим лицом общества, либо лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания»¹⁰. Данное законодательное положение сложно считать удачным определением понятия «сделка с заинтересованностью», хотя бы потому, что в нем сделка с заинтересованностью определяется через саму себя. Здесь лишь описан круг возможных субъектов сделки с заинтересованностью.

Говоря в целом о понятии «заинтересованность», нельзя признать удачность его использования в рассматриваемом контексте. Статьей 1 ГК РФ установ-

лено, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Таким образом, любая признаваемая законом сделка совершается с заинтересованностью. Поэтому, на наш взгляд, для регулирования сделок в ситуации конфликта интересов все же было бы правильнее использовать термин, показывающий специфику именно такого вида сделки. Полагаем, что корректным являлось бы обозначение подобных сделок как «сделки с конфликтом интересов».

В настоящее время отечественное законодательство о хозяйственных обществах в части регулирования сделок с заинтересованностью, в отличие от крупных сделок, не предусматривает обязательного порядка их одобрения, заменив его обязанностью уведомления указанных в законе или в уставе органов управления и (или) акционеров (ч. 1.1. ст. 81 Закона «Об АО», ч. 3 ст. 45 Закона «Об ООО»)¹¹. При этом акционеры и уполномоченные органы могут обратиться к обществу с требованием получить согласие на совершение сделки с заинтересованностью (ч. 1 ст. 83 Закона «Об АО», ч. 6 ст. 45 Закона «Об ООО»). Требование о проведении общего собрания участников (акционеров) или заседания совета директоров общества для решения вопроса об одобрении сделки с заинтересованностью может быть направлено в любой момент, в том числе после совершения сделки.

Если сделка совершена в ущерб интересам общества, она может быть признана недействительной по косвенному иску члена совета директоров или участника хозяйственного общества (ч. 2 ст. 174 ГК РФ, ч. 1 ст. 84 Закона «Об АО»; ч. 6 ст. 45 Закона «Об ООО»). Важно отметить, что отсутствие одобрения на совершение сделки самостоятельно не выступает основанием для признания соглашения недействительным¹².

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2016 (дата обращения: 20.06.2021).

¹² Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 // Российская газета. № 145. 6 июля 2018.

Выводы

В современной доктрине проблемам корпоративных отношений между единоличным исполнительным органом и собственниками уделяется достаточно большое внимание [20, 21]. При этом данная тема по понятным причинам раскрывается в первую очередь применительно к акционерным обществам, в которых проблема поиска баланса интересов субъектов корпоративных отношений стоит острее. Российская практика корпоративного управления в акционерных обществах идет в разрез с международной тенденцией разделения функций управления и контроля путем создания наблюдательного совета как контрольного органа. ГК РФ предусматривает создание коллегиального органа управления хозяйственного общества, который осуществляет контроль за деятельностью исполнительных органов корпорации, но в специальных законах об АО и ООО его статус размыт. Видится, что с целью повышения эффективности корпоративного управления в России необходима постепенная реализация Концепции развития гражданского законодательства РФ в части разделения функций управления и контроля в хозяйственных обществах путем создания наблюдательного совета как контрольного органа и установления запрета совмещения должностей в наблюдательном совете и в контролируемом им исполнительном органе хозяйственного общества. Кроме того, целесообразно нормативное закрепление положения об обязательном включении в совет директоров публичных акционерных обществ независимых директоров. Полагаем, что в нашей стране без политической воли государства внедрение такой модели корпоративного управления маловероятно, поскольку крупнейшие российские компании имеют высокую долю государственного участия.

Рассмотренный в исследовании новый инструмент корпоративного управления, реализующий принцип «двух ключей», предоставляет дополнительные возможности контроля за деятельностью единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, однако, на наш взгляд, его использованию препятствует незавершенность правового регулирования отдельных вопросов применения, в том числе процедуры внесения сведений в ЕГРЮЛ о множественности директоров. Объем сведений о полномочиях единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, предоставляемый в настоящее время

в ЕГРЮЛ, недостаточен для обеспечения необходимого уровня прозрачности бизнеса. Существует потребность в разработке новых форм заявлений для отражения более полной информации относительно распределения полномочий директоров хозяйственного общества. В работе предложен один из возможных вариантов совершенствования форм № 11001, 13014, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц.

Еще один момент, затронутый в настоящем исследовании, касается понятия «сделка с заинтересованностью». По нашему мнению, данный термин не вполне отражает специфику обозначаемого явления. Исходя из толкования ч. 2 ст. 1 ГК РФ, любая признаваемая законом сделка совершается с заинтересованностью в ней, поскольку субъекты гражданских правоотношений осуществляют свои права «своей волей и в своем интересе». Полагаем, что для регулирования сделок в ситуации конфликта интересов более корректным будет использование термина «сделка с конфликтом интересов».

Подытоживая, следует сказать, что за последние годы российское законодательство, отвечая на потребности практики, существенно детализировало и усовершенствовало нормативную регламентацию структуры и функций исполнительных органов хозяйственного общества, системы корпоративного контроля, порядка совершения сделок с заинтересованностью и пр. Урегулирование конфликта интересов и предотвращение его негативных последствий оказались в центре внимания законодателя. Помимо описанных механизмов, важным инструментом соблюдения и охраны прав участников корпоративных отношений явились новые правила об оспаривании сделок с заинтересованностью и ответственности единоличного исполнительного органа, реализация которых происходит в случаях перерастания ситуации конфликта интересов в явный корпоративный конфликт. Сегодня законодательная и правоприменительная практика идет по пути введения презумпции недобросовестности лица, действующего в условиях конфликта интересов. В этой связи представляется важным отметить, что при определении степени регулирования конфликта интересов не следует забывать особенность данного правового явления, состоящую в том, что далеко не всегда конфликт интересов ведет к отрицательным результатам для хозяйственного общества.

Список литературы

1. Взаимосвязь характеристик совета директоров, комитета по аудиту и уровня манипулирования прибылью: анализ российских компаний / Е. Д. Никулин, А. А. Свиридов, М. В. Смирнов // Российский журнал менеджмента. 2020. № 2. С. 189–216. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.203>
2. Honigsberg C., Shivaram R. SEC Proposes to Exempt More Firms from Required Attestation of Internal Controls // Columbia Law School. July 15, 2019. URL: <https://clsbluesky.law.columbia.edu/2019/07/15/sec-proposes-to-exempt-more-firms-from-required-attestation-of-internal-controls/> (дата обращения: 12.06.2021).
3. Шикин С. А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. 2018. № 4. С. 44–46.
4. Осокина Г. Л. Косвенные иски: реальность или фикция // Хозяйство и право. 2001. № 1. С. 83–88.
5. Абакумова Е. Б. Принципы добросовестности и разумности в корпоративных правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2020. № 4 (89). С. 32–40. DOI: https://doi.org/10.18411/Abakumova_1234-5678
6. Дедов Д. И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 272 с.
7. Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе / В. Ю. Бакшинскас, Е. П. Губин, С. А. Карелина и др.; под ред. Е. П. Губина. М.: Юристъ, 1999. 247 с.
8. Гутин А. С. Корпоративный контроль в акционерных обществах и его правовые формы: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. 235 с.
9. Хмыз С. А., Корчагин А. Г. Совет директоров хозяйственного общества: Актуальные проблемы деятельности // Теология. Философия. Право. 2018. № 2 (6). С. 127–136.
10. Курбанов Р. А., Шереметьева М. В. Корпоративное право в новой редакции гражданского кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 114–118.
11. Ступина С. А., Шерстяных А. С. Члены органов управления хозяйственных обществ как субъекты уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности за преступления коррупционной направленности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 144–153. DOI: https://doi.org/10.51980/2542-1735_2019_3_144
12. Леванова Л. Н. Совершенствование состава и структуры совета директоров в российских корпорациях // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2018. № 4. С. 421–427. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-421-427>
13. Леванова Л. Н. Реализация агентской теории совета директоров в российских корпорациях // Гуманитарный научный журнал. 2020. № 1. С. 84–90.
14. Яковлев А. Ю. Комитеты при совете директоров акционерного общества как инструмент корпоративного управления и финансового контроля // Вестник ГУУ. 2018. № 10. С. 82–86. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-10-82-86>
15. Миленный А. В. Роль эффективной структуры совета директоров в корпоративном управлении российских и зарубежных компаний // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 12-2. С. 28–34.
16. Ковальчук С. А., Левченко А. В. Реализация принципа «Двух ключей» в Российской Федерации: прогноз возможных последствий реформирования гражданского законодательства // Технологос. 2016. № 1. С. 110–111.
17. Бурнос И. И. О некоторых новеллах Гражданского кодекса РФ об управлении в корпорации // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 164–167. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2017.12.36>
18. Андрианова М. А., Потапов Н. А. Принцип «двух ключей» как новый механизм контроля за деятельностью единоличного исполнительного органа юридического лица // Юрист. 2020. № 3. С. 49–54. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-3-49-54>
19. Карапетов А. Г. Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 86–147.
20. Мазо М. А. Юридические конструкции регулирования конфликта интересов в акционерном обществе // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 127–136.
21. Яковлев А. Ю. Механизмы управления государственными акционерными обществами в России: характеристика и дисперсия функций органов управления и контроля // ЭТАП. 2019. № 1. С. 114–125.

References

1. Nikulin E. D., Sviridov A. A., Smirnov M. V. The relationship of board of directors, audit committee and earnings management: Analysis of Russian public companies, *Russian Management Journal*, 2020, No. 18 (2), pp. 189–216 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.203>

2. Honigsberg C., Shivaram R. SEC Proposes to Exclude More Firms from Required Attestation of Internal Controls, *Columbia Law School*, July 15, 2019, available at: <https://clsbluesky.law.columbia.edu/2019/07/15/sec-proposes-to-exempt-more-firms-from-required-attestation-of-internal-controls/> (access date: 12.06.2021).
3. Shikin S. A. Fiduciary duties of corporate directors in the Russian and English-American law, *Grazhdanskoe parvo*, 2018, No. 4, pp. 44–46 (in Russ.).
4. Osokina G. L. Derivative suits: reality or fiction, *Business and Law*, 2001, No. 1, pp. 83–88 (in Russ.).
5. Abakumova E. B. Principles of good faith and reasonableness in corporate legal relations, *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*, 2020, No. 4 (89), pp. 32–40 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.18411/Abakumova_1234-5678
6. Dedov D. I. *Conflict of interests*, Moscow, Volters Kluver, 2004, 272 p. (in Russ.).
7. Bakshinskas V. Yu., Gubin E. P., Karelina S. A., Lomakin D. V. *Management and corporate control in a joint stock company*, ed. by E. P. Gubin, Moscow, Yurist, 1999, 247 p. (in Russ.).
8. Gutin A. S. *Corporate control in a joint stock company and its legal forms*, a PhD (Law) thesis, Perm, 2005, 235 p. (in Russ.).
9. Khmyz S. A., Korchagin A. G. Supervisory board of directors of economic society: actual problems of activity, *Theology. Philosophy. Law*, 2018, No. 2 (6), pp. 127–136 (in Russ.).
10. Kurbanov R. A., Sheremetyeva M. V. Corporate law in the new edition of the Civil Code of the Russian Federation, *Gaps in Russian Legislation*, 2016, No. 3, pp. 114–118 (in Russ.).
11. Stupina S. A., Sherstyanykh A. S. Members of governing bodies of commercial partnership as subjects of criminal legal and civil legal liability for corruption offences, *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2019, No. 3 (36), pp. 144–153 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.51980/2542-1735_2019_3_144
12. Levanova L. N. Improvement of the Composition and Structure of the Board of Directors in Russian Corporations, *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Economics. Management. Law*, 2018, No. 4, pp. 421–427 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-421-427>
13. Levanova L. N. Implementation of the agent theory of the board of directors in Russian corporations, *Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal*, 2020, No. 1, pp. 84–90 (in Russ.).
14. Yakovlev A. Committees under the board of directors of joint stock company as a tool of corporate management and financial control, *Vestnik Universiteta*, 2018, No. 10, pp. 82–86 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-10-82-86>
15. Milenny A. V. The role of effective structure of the directors boards in corporate governance of Russian and foreign companies, *Economy and Business: Theory and Practice*, 2018, No. 12-2, pp. 28–34 (in Russ.).
16. Kovalchuk S. A., Levchenko A. V. Realization of the “two-key” principle in Russian Federation: prognosis of possible effects of civil legislation’s reformation, *Technologos*, 2016, No. 1, pp. 110–111 (in Russ.).
17. Burnos I. I. Some innovations in corporate governance in the Civil Code of the Russian Federation, *Theory and practice of social development*, 2017, No. 12, pp. 164–167 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.12.36>
18. Andrianova M. A., Potapov N. A. The two key principle as a new mechanism of control over operations of the sole executive body of a legal entity, *Jurist*, 2020, No. 3, pp. 49–54 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-3-49-54>
19. Karapetov A. G. Problem issues of applying Article 147 of the Russian Civil Code, *Civil Law Review*, 2018, No. 1, pp. 86–147 (in Russ.).
20. Mazo M. A. Juridical constructions of regulating a conflict of interest in a joint stock company, *Russian Juridical Journal*, 2015, No. 2, pp. 127–136 (in Russ.).
21. Yakovlev A. Yu. State joint stock companies management mechanisms in Russia: characteristics and dispersion of the functions of the management and control bodies, *ETAP*, 2019, No. 1, pp. 114–125 (in Russ.).

Дата поступления / Received 26.06.2021

Дата принятия в печать / Accepted 23.08.2021

Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2021

© Абакумова Е. Б., 2021

© Abakumova E. B., 2021